

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Т

О

Ч

К

А

Лидия Климова

Лидия Климова

Точка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Климова Л.

Точка / Л. Климова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Тейлор Джонс не просто актёр, он – недостижимая звезда, предмет мечтаний. Но что за этим спрятано? Каково это – всю жизнь играть чьи-то роли, но так и не понять, кем являешься? Путь к себе оказывается слишком сложным, реальность больно бьёт, а за возможным счастьем следует глубокое разочарование. Решение принято. Поставить точку. И начать заново. Содержит нецензурную брань.

Лидия Климова

Точка

Часть 1. Тейлор

Пролог

https://en.wikipedia.org/wiki/Taylor_Jones

Тейлор Стэнли Джонс (родился 9 апреля 1983 г., Сан-Диего, штат Калифорния, США) – американский актер.

В 2000 г. получил признание критиков и номинацию на Оскар за свою первую роль в полнометражном фильме **«И жили они в аду»**. Всемирная известность пришла после роли Антиноя в противоречивой драме **«Проклятый Нил»** – истории любви императора Адриана и его телохранителя. Режиссерская версия получила прокатный рейтинг R из-за обилия гомо-сексуальных сцен.

Биография

Отец Тейлора, Уолтер Джонс, – потомственный столяр-краснодеревщик, владелец компании по производству мебели. Мать, Аманда Джонс, в прошлом актриса, снялась в нескольких сериалах, шедших в 80—90-е по НВО. В 1995 г. покинула экран и занялась карьерой сына. Умерла в 2010 году. Тейлор – единственный ребенок в семье.

С 2 лет появляется в рекламе («Райские лакомства», «Капитан Холодок» и другие).

С 12 лет задействован в сериалах «Морганы», «Счастливые дни», «Переходный возраст». Роль в последнем принесла Тейлору статус секс-символа.

В 17 лет дебютирует на широком экране.

Личная жизнь

2002—2004 гг.: встречался с коллегой по «Расставанию», актрисой Моникой Стайлз. 2005—2008 гг.: был помолвлен с танцовщицей Сарой Роуз. В 2009 г. завел роман с моделью Лили Парк, в конце года пара рассталась из-за измены Тейлора. В 2010 г. на премии мировой гильдии сценаристов и режиссеров познакомился с актрисой Мэри Джой, пара встречалась до января 2013 г., рассталась по классической причине – несовместимость рабочих графиков. В промежутках между официальными романами был замечен с моделями Оливией Клей и Джессикой Отрин, кантри-певицей Элисон Принс, дизайнером Самантой Голдвинг.

В настоящее время встречается с актрисой Элен Кроуфорд.

С 2008 г. постоянный участник списка «100 самых сексуальных мужчин года», в 2010 и 2012 гг. возглавил этот список.

В 2012 г. выпустил именную туалетную воду «Taylor», лидер продаж 2012—2013 по данным Всемирной ассоциации производителей парфюмерии.

В 2013 г. подписал контракт с «Design north queep» для рекламы новой мужской линейки одежды.

Фильмография

Год	Название	Роль
1995 тф	Морганы	Джейк Морган
1996 тф	Счастливые дни	Мэтт Холидей
1997 тф	Переходный возраст	Энтони Грэм
2000	И жили они в аду	Майкл Спенсер
2001	Дурь	Макс
2002	Расставание	Уильям Херт
2002	Расскажи мне сказку	Рассказчик
2003	Святые	Апостол Иоанн
2003	Немой певец	Мистер Блу
2004	Похороны	Гельмут Гуттенберг
2004	Простые вещи	Вик
2005	Иметь все	Король Георг в молодые годы
2006	Расслабься	Джон Стентон-младший
2006	Сыновья	Младший сын
2006	Корабли	Капитан Мартин
2007	Когда высохнут слезы	Эдвард Смит
2008	Уныние	Артур Веллер
2009	Свастика	Олег
2009	Вот это удача!	Эндрю Харрис
2010	Проклятый Нил	Антиной
2011	Сладко	Морган Вудс
2011	Горящие письма	Уильям Блейк
2012	Больные мечты	Пациент №3
2013	Никуда	Джек Корса
2014	Сапфир	Лт. Жан-Пьер Моро

Глава 1. Разрешите представиться

Вечер еще не перешел в ночь, зажигаются звезды, цикады задают ритм, тепло и пахнет жасмином. Я сижу на балконе, в квартире, которую купил мне Марк. Выпускаю кольцами дым, болтаю лед в квадратном стакане, и меня накрывают воспоминания.

Мама взяла за руку, и мы вышли на крыльцо. «Ты моя звездочка, – гладит меня по голове. – Посмотри, как вон та», – вижу, куда она указывает.

Звезда ярко моргнула и начала падать. «Быстро загадывай желание».

«Хочу, чтобы мама всегда была мной довольна».

Первые обрывки: лежу в кровати, якобы болею, а мама, моя мама, шепчет «кашляй», и я кашляю. Прикасается губами к моему лбу, дает какую-то гадость, теперь я должен скинуть одеяло и радостно закричать: «Я здоров!» Дубль за дублем. Мне было пять. Тогда она еще иногда снималась.

Таких, как мама, называют мамаджер. Каждую съемку стоило посмотреть туда, где толпились люди, которые не участвуют в съемках (я называю их свидетелями), – она была там. После дубля она или подмигивала и кивала головой, если все шло хорошо, или показывала кулак, если я халтурил.

Слава богу, тогда не были популярны детские конкурсы красоты, а то я был бы их постоянным участником; мы перебивались на рекламе.

Потом мама отдала меня в школу моделей. Два года после уроков, а иногда и вместо них, я ходил по подиуму и учился работать перед камерой. Мы занимались фехтованием, танцами и актерским мастерством. Изображали все: от туч до истеричных бабушек. В основном дурачились, конечно, но чему-то научились.

Маме поступали предложения отдать меня в бойзбэнд, типа Backstreet Boys и 'N Sync. Но я ужасно пел, да и танцевал так же, и неизбежно проваливался на прослушиваниях. По этим же причинам меня не взяли в клуб Микки Мауса. Короче, не сложилось.

А с двенадцати лет мы таскались по кастингам. Вставали в шесть утра, чтобы к восьми быть на месте, завтракали и бродили от прослушивания к прослушиванию. Ее усилия и оставшиеся связи помогли – я стал младшим сыном Морганов, средним – в «Счастливых днях» и хулиганом-сиротой в «Переходном возрасте».

Папе изредка удавалось выкрасть меня и научить всяким пацанским вещам: надувать лягушек через соломинку, бросать камни, чтобы они отскакивали от воды; играть в мяч; рыбачить, вырезать ножичком деревянные фигурки животных... Он даже научил меня делать ящички для комодов!

Мы каждый раз ждали, когда маме надо к косметологу или на аэробику. Эти часы были самыми классными в моем детстве. Но стоило ей войти в дом – она командовала: «Так, мальчики, хватит баловаться, Тейлор, пошли заниматься!» Папа вяло протестовал: «Ты его совсем замучила», но мама закатывала глаза: «Уолтер, ты ничего не понимаешь». Он сдавался и уходил в мастерскую, через пару минут слышался звук работающего токарного станка. А мы начинали заучивать очередную сцену.

Вместо мультиков и познавательных программ для детей я смотрел «Спартака», «Криминальное чтиво», «Полуночного ковбоя» и массу других лент, смысл которых не улавливал. После сеансов мама просила изобразить каждого из героев и придумать новые реплики, а если я не попадал, разбирала их характер и мотивы.

В семнадцать настал мой звездный час – я сыграл мальчика, которого насилует отец, даже был номинирован на Оскар. Сидел в мягком кресле: шелковая рубашка прилипла к телу, но мама не разрешила снять пиджак. Она, в черном атласном платье с рубиновым колье, улыбалась, когда на нас наводили камеру, и все сильнее сжимала мою руку. Я ничего не получил, но с тех пор за мной волочилось звание «подающий надежды».

«Ну ничего, в мире еще полно замечательных ролей – получишь свой Оскар, – успокаивала мама, когда мы ехали домой после церемонии. – Только запомни – никогда, слышишь, никогда не принимай наркотики и не спи с мужчинами. Тебе будут предлагать и то и другое, но клянись мной, что сделаешь, как я сказала».

Я поклялся ее сердцем.

После номинации я каждый год попадаю в список самых красивых людей мира. Пришло время, когда не надо появляться на кастингах, теперь просили они, а я лишь неторопливо кивал в знак согласия – конечно, оглянувшись на маму.

«Сейчас, чтобы получить признание, – говорила она, – недостаточно играть хорошо. Нужно играть исключительно, и чем более извращенной будет твоя роль, тем больше шанс, что тебя заметят».

И я играл всех: и гомосексуалиста, и наркомана, и исторического деятеля, и сумасшедшего художника, и калеку, и смертный грех, и нациста, и даже простых парней, которыми никогда не был.

Со временем мама все отчетливее понимала, что больше ничего не смыслит в этом мире продюсеров из крупных киностудий. Пришла пора искать современного ангела-хранителя, и она объявила кастинг. Шесть агентств по талантам принимали участие в турнире. Вопросы были про мои роли, номинации и гонорары, про размер трусов и предпочтения на завтрак; финальный вопрос – про мои романы. Один отвалился еще на фильмографии, двое – на любимом сорте пива, четвертый засыпался на именах пассий. И вот наши финалисты: Марк и еще одна баба, Моника из New talents. Внимание, вопрос: «Кто из вас готов уволиться из агентства и посвятить ближайшие два года только Тейлору?» Моника сдается, а Марк за способность идти до конца, помимо главного приза в моем лице, получает утешительную компенсацию сразу же после подписания контракта – полмиллиона долларов.

Мама умерла два года назад за три дня до моего дня рождения и за три месяца до премьеры «Проклятого Нила». Она решила на первую пластику, чтобы выглядеть свежей на премьере. Аллергическая реакция на наркоз, такая сильная, что откачать не смогли.

Как ни странно, она была готова. В завещании указано платье, в котором нужно хоронить, а гримировать для последнего прощания должен не человек из морга, а ее визажист.

Мы стояли втроем плечом к плечу: папа, я и Марк – и смотрели в могилу. Обездоленные. Покинутые. Растерянные.

До сих пор не понимаю, почему они не смогли ничего сделать.

Я никого никогда не терял. Бабушки и дедушки умерли еще до моего рождения. Домашних животных не заводили – у мамы была аллергия. Другие люди были декорациями. Мы жили своим тесным мирком, куда иногда заглядывал папа.

Я все еще всматриваюсь туда, где толпятся «свидетели», все еще надеюсь увидеть довольный кивок или кулак. Изредка блестит лысина Марка, склонившегося над телефоном, но часто там нет никого, кто был бы интересен.

Как только что-то напомнит о ней: пройдет женщина в «ее» духах, папа использует «ее» выражение, я мельком увижу «ее» в своих жестах, когда на площадке пересматриваем отснятый материал, – тут же ощущаю горькую волну, которая поднимается изнутри. Как будто кто-то нанес смертельную рану, а вся магия бессильна. Я отворачиваюсь, стараясь, чтобы никто не заметил, как собираются над переносицей морщины, как наворачиваются слезы, как перехватывает дыхание...

Теперь Марк выбирает фильмы, отвечает на интервью и звонит каждый день поинтересоваться, ел ли я.

Глава 2. Бессонница

Мне приснилось, будто я открываю шкаф в своей детской спальне, и он отходит от стены весь, словно дверь, а за ним мир – такой же, как и по эту сторону, только шире. А в голове стучит – почему они не сказали мне, почему спрятали?

Теперь я думаю об этом постоянно и не могу спать: долго ворочаюсь в кровати или просыпаюсь в три ночи и тупо смотрю в потолок. Что-то происходит, лопается внутри. Каждая клеточка мутирует, обретая новую форму, наполняется иным качеством. Не в силах выносить эту энергию, я встаю и брожу, а если совсем невыносимо, то беру такси и еду на пляж на мыс самоубийц, где чувствую себя единственным человеком перед черным колышущимся океаном.

Стою на краю скалы. Внизу острые камни, о которые жестко хлещут волны, справа узенькая полоска пляжа, и никого вокруг. Сегодня полная луна. Всего один шаг, и меня нет. Камушек под ногой откололся и, стуча, упал вниз; его заглушил шум океана и стало так же, будто ничего не произошло.

Если я сейчас прыгну, то всего лишь попаду в еще один список – рейтинг звезд-самоубийц, буду плестись в самом конце вслед за Майклом Хатченсом, Куртом Кобейном, Дэвидом Кэррадайном, Эйми Уайнхаус...

Это ничего не изменит.

Сердце, подгоняемое адреналином, жалобно застучало. Инстинкт самосохранения – этот маленький, но мощный зверек – только представил, что я сейчас умру, и начал колотиться, искать выход, бежать, спасать своего непутевого хозяина.

И я даю себе жить. Разрешаю. Потому что могу. Сам себе бог, сам себе родитель.

Осталось только не забыть про эту власть, надо обязательно завязать узелок на память – бью по карманам: ключи, бумажник и ручка, которую Марк запихнул на той неделе, чтобы давать автографы. «Паркер», его любимая, с золотым наконечником и желтым корпусом. Колпачок упал куда-то, теперь не найти.

Размахнулся и со всей дури всадил перо в ногу. Боль. Зверек. Я – больной зверек. Смешно. Боль какая-то чужая, пульсирует, достигая висков, и с ней начинает пульсировать, биться все вокруг. На штанине – кровавое пятно. Еще немного протаскиваю ручку – должен остаться шрам.

В фильме «Красный дракон» есть фраза: «Шрамы говорят о том, что наше прошлое реально». От себя добавлю: а боль – что настоящее.

Когда я проснулся, к ране прилипла простыня, пришлось отдирать с засохшей коркой, и снова пошла кровь. Промыл ее водкой и залепил широким пластырем.

В почте пять файлов от Марка с интервью, которые я открываю и тут же закрываю. Всегда одно и то же: я в дизайнерских шмотках в невысказанных позах о чем-то умно говорю. Говорить я так не умею, это слова Марка. Когда нам заранее присылают вопросы, мы сидим у него дома, он отвечает, а я запоминаю. И зачем Марк постоянно посылает свои творения?

В последнее время он стал еще более докучливой насадкой. Даже пытался установить что-то вроде родительского контроля в Интернете. Правда, объектом запрета стали не порносайты, а странички, посвященные мне. Я не знал, что он хотел скрыть и почему, хотя позволил ему это сделать.

Лет с восемнадцати у меня должна была быть девушка. Она есть и сейчас. Мы встречаемся, когда оба не заняты. Бываем там, где нас обязательно облепят папарацци. Ее выбрал Марк. Как и предыдущую. И ту, что была до нее. Хотя нет, вроде ту еще выбирала Аманда. У них хороший вкус: девушки гармонируют с моим цветом волос, глаз, телосложением и одеждой. Все они блондинки с голубыми глазами, Мисс того-то, певица сего-то, модельки попроще, актрисы почти первого плана.

Элен все еще довольно привлекательна, хотя пластический хирург уже приложил к ней скальпель. Накачанная губы и силиконовая грудь (я уже не помню, когда последний раз трогал настоящую). Удлиненные переломами ноги: я вижу белые точки шрамов от аппарата Елизарова на загорелой коже. Лицо почти лишилось мимики, даже улыбается с трудом, а нос слишком маленький, чтобы быть настоящим; еще и храпит. Барби-трансформер, которая уже забыла, какой была в детстве. Мои девушки как трафарет: можно наложить одну на другую и, с небольшими изменениями, они точно впишутся. Мои прелестные аксессуары. Но иногда они думают, что имеют какие-то права.

– Ты меня не любишь! – Элен надувает губки.

Не сдержавшись, я рассмеялся ей в лицо:

– А что, я когда-то это говорил?

– Какой ты козел! А я еще думала, что мы поженимся! Все, я вскрываю себе вены! – Она кидает в меня босоножку – меткий удар шпилькой в рану, которая тут же начинает кровото-

чить: глубокая, медленно заживает. Ошарашенная Элен бегают и суетится: – О боже, прости, я не хотела, я сейчас все исправлю, давай отвезу тебя в больницу.

– Не надо, просто уйди! – хватаю ее за руку и выпихиваю за дверь – босиком дойдет; выбрасываю вторую босоножку с балкона.

Через полчаса, когда я уже туго обмотал бедро, она звонит:

– Как ты, любимый? Прости меня, я дура. Я тут около дома, все нашла. Я могу вернуться?

– Ты меня отвлекаешь: я заказываю траурный венок и подбираю надгробную надпись.

Ты сказала, что вскрываешь себе вены; я надеялся, ты уже мертва. Для меня твоя попытка увенчалась успехом. Поднимись, рискни, и я сделаю все сам.

Марку тридцать семь. Издалека его коренастая фигура, из которой торчат длинные руки, напоминает высокую обезьяну в деловом костюме. На голове ни намек на то, что на этой глянцевой поверхности когда-то росли волосы. Владелец большого носа и пухлых, будто их вывалили на лице, губ. Глубоко посаженные темные глаза осматривают мир из-под толстых, закрученных ресниц. В нем есть какая-то животная сила, природная цепкость и уверенность, будто везде, где бы он ни находился, его территория.

Я заехал к нему после проб – так, поболтать, рассказать, как прошло. Пробы были бутфорские, очередная душераздирающая история про двух друзей, которые пошли покорять вершину, и сошла лавина. Конец сценария не дочитал.

Менеджер живет в большой студии: по периметру – окна во всю высоту и стеллажи, полные книг, журналов, документов, сценариев, вырезок из газет и распечатанных статей. Информации прибавляется, кое-где появляются стопки, но он ничего не выбрасывает.

Домработница, навещающая его по понедельникам и четвергам, аккуратно стирает пыль, стараясь не нарушить этот хаотичный порядок. Я сижу в кресле на расстоянии вытянутой руки от нее и наблюдаю. Одной из стопок на журнальном столике, как раз той, над которой и трудится Марисса, достаточно небольшого сквозняка, чтобы рассыпаться. Есть! Протирая пыль, она задевает столик ногой. Небоскреб бумаг рушится, три листка подлетают к моим ногам, я собираю их: «Держи, – протягиваю Мариссе. – Хотя подожди». Черный заголовок: «Виновен!», моя фотография. Так-так. Пробегаю глазами: «Независимое расследование. 39% поклонниц Тейлора Джонса кончают жизнь самоубийством»...

– Что это? – Марк вырывает у меня листок. – И откуда они берут эти цифры? Забей, – он машет рукой. – Что с ногой?

– Подвернул.

– Может, к врачу?

– Не надо, порядок, уже лучше.

– Тогда рассказывай, зачем ты бросил эту Элен? Вроде нормальная девка, все уже привыкли, через неделю о вашей свадьбе пишут. Опять надо тебе бабу искать.

– Не надо, давай я побуду один. Буду страдать, плакать, если хочешь! – отмахиваюсь рукой с сигаретой.

– Сейчас некогда этим заниматься. О, у меня гениальная идея! А может, пойдешь в шоу «Холостяк» – сейчас очень популярно, выберешь, какая понравится?

– А можно никуда не ходить?

– Понимаешь, Тейлор, – Марк пододвинул бумаги – они разлетелись по полу – и сел передо мной на столик, – когда тебе нечего делать, ты творишь черт знает что, тебя всегда нужно чем-то занимать. А сейчас, пока они не договорились с Диллоном и Кэрри, я не знаю, куда тебя впихнуть. Еще минимум полгода они будут переписывать сценарий. Я умоляю: сейчас, на эти пару месяцев, соберись – не пей, не трахайся с кем попало, веди себя хорошо, будь милым; мне надо, чтобы все прошло идеально. А потом я отпущу тебя в отпуск. Поедешь в Таиланд, на Кубу, в Голландию – неважно. Сейчас будь паинькой, от этого зависит моя карьера.

Если Олди передаст мне агентство, я клянусь: буду заниматься только тобой весь следующий год. Жить с тобой буду. Репетировать. В попу целовать. Тебе и так дали второй шанс, если ты налажаешь, они выпрут тебя из проекта, а он, на минуточку, рассчитан на три фильма, и я больше с ними работать не буду, а у меня без тебя полно подопечных.

– Только ты не можешь забыть. Постоянно: «Тейлор, да как ты мог так нажраться и наблевать под стол на Золотом Глобусе в прямом эфире, а через неделю проспать “Доброе утро уже-не-помню-где”». Марк, да всем плевать!

– Это не самое страшное. Ты стал забывать реплики. Еще чуть-чуть, и от тебя начнут отказываться, а у нас на семь лет все расписано. Я не хотел тебе говорить, но ладно – они думают дать тебе героя в следующих «Мстителях», – он легонько бьет меня кулаком в плечо. – Слушай, нам всем ее не хватает, давай уже приходи в себя. Может, тебя к психиатру записать?

– Не надо шоу и психиатров. Я в порядке. Клянусь, – я положил руку на грудь, – ты меня не заметишь (я сделал такие честные глаза, даже слезы навернулись).

Марк кивнул.

Предпоказ «Сапфира» прошел, сгинул, рассыпался, испарился. Нога зажила, остался лишь кривой розовый шрам с синей точкой в месте, куда вошел стержень, – наверно, из-за чернил.

В восемь утра звонит Марк. Я, еле продрал глаза, нащупываю трубку.

– Что? Спишь! Я вот с шести читаю. Читаю и глажу себя по лысине. Слушай: бла-бла-бла фильм, сюжет, вот: «Тейлор, как всегда, поразил своей игрой. Стоит ему появиться в кадре, он моментально завоевывает внимание и удерживает его на всем протяжении сцены. Такой роскошной смерти мы давно не видели: этот снег, который мягко ложится и тает на еще не остывшем теле героя Джонса, – это просто красиво!» Ну как тебе?

– Ты написал?

– В том-то и дело – они! Короче, лучшего времени для парфюма «Сапфир» не придумаешь. Сейчас все захотят обладать частичкой тебя, захотят, чтобы их парни стали тобой, будут представлять тебя, думать, что это ты их трахаешь. Мне как раз пару недель назад присылали окончательный вариант. Завтра у тебя фотосессия, сегодня не пей и ложись пораньше.

Очередное after party, укромное место только для избранных. Здесь все равны, каждый – звезда. Даже Элен пришла, старается избегать встречи, поглядывает издали, думает, что не вижу.

Сколько себя помню, всегда принадлежал к этой когорте; посвящение произошло намного раньше, чем мне официально могли продавать спиртное.

Диджей мешает треки, как и бармен коктейли. Скучные разговоры: кто какой бизнес открыл, кого утвердили, сплетни о тех, кто скукисился и потерял контракт. Их можно выносить лишь напившись. Но я обещал Марку, поэтому потягиваю томатный сок, прибываясь на пару фраз к разным группкам, чтобы сделать фотки.

Наконец я нахожу Марка, он стоит в компании Олди и других боссов. Они улыбаются, хлопая меня по плечу: «Ты молодец».

Марк потом сказал, что «Сапфир» уже три недели лидер кассовых сборов, в два раза отбил затраты, и это не предел.

Он нюхает мой стакан – думает, это «кровавая Мэри» – и довольно кивает: «Извини, у нас серьезный разговор, подожди меня там». Ну конечно, не дорос я до серьезных разговоров.

Смотрю на них из угла, куда меня поставили. Я молодец, пока делаю их богаче; они отработают меня и выкинут, выпьют и забудут.

Конечно, я напился, когда вернулся. Задело, как Марк меня спровадил. Напился и лег спать.

Я пытаюсь что-то контролировать, пыжусь, а в итоге расписываюсь в беспомощности. Сплю, как вдруг что-то внутри приказывает: «Просыпайся! Быстро встал и побежал, нет, полетел! Да-да, ты не обманулся...» Из меня извергается то, что я съел – но главным образом, выпил – накануне. Я хочу спать, но у тела другие планы. Оно сотрясает меня, складывает, ломает – показывает, кто хозяин. И я не могу послушаться.

На следующий день, когда хочу засмеяться или глубоко вздохнуть, оно закрепляет знание болью. Я все понял, все! Лучшего дня для того, чтобы бросить курить, не придумаешь.

Меня ничто не учит, поэтому я запиваю хлопья вискарем. День полон приятных хлопот, разбавленных небольшими порциями алкоголя.

Два года назад Марк подписал контракт с какой-то очень крутой дизайнершей из Бельгии, не помню ее имени: на каждом мероприятии я появляюсь в ее нарядах. Сегодня это сморщенные кожаные брюки, рубашка в разноцветный горошек, шапка в тон и белые копыта на ногах. Слава богу, контракт заканчивается через три недели и впереди ни одного выхода в свет.

К шести я полностью готов; весьма довольный своей шуткой, я сажусь в присланную машину и отправляюсь в студию, где ждет Марк.

Не пойму, как они умудряются узнавать, где я буду сегодня? Подъезжаю к небоскребу, окруженному людьми. Надеваю будничную улыбку и вылезая из машины. Толпа начинает шевелиться: кто-то вынимает и трясет плакаты с признаниями в вечной любви, кто-то – мои здоровенные фотографии. И все орут, визжат, зовут. Я подхожу к этой массе, что стоит за хлипким заборчиком. Кто-то лезет целоваться, кто-то дергает за руку, кто-то пытается оторвать кусочек рубашки, я отшучиваюсь: «спасибо, что пришли, но уже эфир...», фотографируюсь с кем-то смазанным и безликим. Охранникам удается достаточно быстро отодрать меня от их объятий и затолкать в дверь.

Мне стало тесно. Я не влезаю в блестящую коробочку с моим именем на крышке. Вы впихиваете, но то тут, то там вылезает то рука, то нога, а то и вопящая голова. Я оглянулся – сегодня вы видите меня в последний раз, прощайте – воздушный поцелуй из-за толстого стекла, запомните и передайте потомкам.

В холле, читая что-то с телефона, стоит Марк. Поднимает голову и довольно осматривает меня.

Лифт мчится на семнадцатый этаж, и тут я снимаю шапку:

– И что это? – свел брови Марк.

– Не нравится?

– Ты зачем побрился? – он оросил мое лицо слюной. – Ты пил? С ума сошел?

– Расслабься, я могу играть в любом состоянии.

– А я не могу тебя выпустить в таком состоянии.

Двери открылись. Марк засовывает меня в гримерную и бежит в аппаратную к менеджеру.

– Привет, девочки, – плюхаюсь в кресло. – Нравится моя новая стрижка? – провожу рукой по лысой, почти как у Марка, башке.

– Красоту ничем не испортишь, – Синди наклоняется с палитрой, чтобы подобрать тон.

Красный Марк появляется через двадцать минут:

– К поклонникам не подходи, Аллан Мерфи знает, что ты поддатый, я предупредил и о твоей стрижке. Говори, что для проб, а вообще говори поменьше и побольше улыбайся. Он готов? – кивая на меня, интересуется у визажиста. Она тоже кивает и добавляет:

– А мне нравится, очень мужественно, как у Дизеля; если еще бороду отпустить, вообще классно будет.

Марк под локоть вынимает меня из кресла и тащит по длинному коридору, приговаривая:

– Нравится ей... Да вам, бабам, все, что этот придурок делает, нравится. Вин Дизель, говоришь. Где ты видела смазливового Дизеля? – поворачиваясь ко мне, морщится и говорит: – Ну зачем? – кивает девушке, которая в рацию произносит: «Тейлор Джонс готов».

– Я хотел сделать что-то сам.

Аллан Мерфи встал:

– А теперь я умолкаю, так как в нашей студии появляется ослепительный Тейлор Джонс, встречайте!

Студия ревет. С широкой улыбкой подбегаю к зрителям и бью по рукам всех, до кого могу дотянуться.

Глава 3. Одинокий рай

«Это одинокий рай!» – кричит объявление на сайте турфирмы. А я, прикидывая, какое барахло покидать в чемодан, жму «оплатить».

Марк меня просто достал – каждый раз, когда звонит, сразу начинает орать по поводу волос: завидует, что ли? И чтобы его не раздражать, я уеду их отращивать на маленький остров в Тихом океане.

Хм, если бы рай был действительно одиноким, наверно, я бы ускорил свое появление.

Как бы ни устал, не могу спать в самолетах: полно времени, которое надо чем-то убить.

Электронную сигарету курить не разрешили, поэтому приклеиваю на руку никотиновый пластырь, заботливо предложенный стюардом, и достаю из кармашка переднего сидения ежемесячный журнал авиакомпании. На титуле Эйфелева башня, Париж – замечательно. Что купить, что поесть. Досуг – ну, конечно: на левой странице моя фотография, на правой – статья про «Сапфир».

Я в синем костюме. Ненавижу их: как в броне. Хотя всегда проще надеть его. Сажу на деревянном троне, типа из «Игры престолов», левая нога закинута на правую, облокотился на коленку. Горизонтальные морщины на лбу, гусиные лапки в уголках глаз... Они почему-то оставили их, только сделали глаза ярче.

Марк предлагал гиалуроновую кислоту, но я побоялся – вдруг начнется аллергия, как у мамы. «Зато теперь ты можешь претендовать на более зрелые роли, – подбадривал он, – как у Ди Каприо: был Ромео, стал Гувером».

На самом деле я не знаю, что за парень сидит в синем костюме. Почему всегда синий или черный? «Потому что тебе идет. Ты мужчина-зима, как говорит Синди», – отбивается внутренний Марк.

Мой двойник, который живет на глянцевых листах, на гигантских билбордах, на светящемся экране, – я видел тебя тысячи раз и все равно удивляюсь. Ты совершенно не такой, каким я тебя представлял. Чем ты живешь? Куда идешь? Кого любишь? О чем думаешь?

Я листаю журнал: на последнем развороте реклама туалетной воды «Сапфир». Я, такой загадочный, в водолазке (еще одно орудие пыток), достаю парфюм, который лежит на бархатной подставке в сейфе, будто краду его. Флакон в форме сердца мерцает черным.

Интересно, мы сами заставляем общество видеть себя определенным образом или оно само выбирает. Я занят в такой профессии, где люди видят меня через призму сыгранных ролей. Несмотря на все старания Марка сделать меня кем-то положительным, для людей я смазливый мальчик, наркоман, алкоголик, бабник, гей и далее по списку. Радует, что хоть не некрофил и не сектант, хотя кто знает, какой сценарий он притащит завтра.

Если можно надеть на себя другую одежду и на время стать другим человеком, почему нельзя им и остаться? Боюсь, тогда мне придется сорвать с себя все.

Марк говорит, что нужно тщательно выбирать товар, который предлагают рекламировать, ведь каждый раз, когда будут крутить ролик, твое лицо и продукт станут ассоциацией. Потом не отмыться. Репутация.

На разных порнушных сайтах я был лицом лубрикантов, презервативов и даже анальной пробки. Поклонницы были разочарованы, а я смеялся. Бедный Марк. Я не рассказывал ему.

Приятно целый день валяться на пляже, пока солнце не сядет в океан, и плестись к бунгало; располагаться на ступеньках, есть руками ужин, курить и смотреть на звезды, чувствуя, как теплый ветерок дует прямо в лицо.

Реклама не обманула – за три недели я видел лишь местную женщину, которая приносила еду и убиралась, и менеджера, приходившего раз в неделю справляться, всем ли я доволен. Конечно, я был доволен! Хоть мне и было сложно с ним разговаривать – речевой аппарат от бездействия ржавел. Я показывал поднятый вверх большой палец – он кивал и оставлял меня на неделю.

Но какая-то мерзкая часть расслабиться не могла. Она скребла своими тонкими когтями где-то внутри и хотела вылезти наружу. Она требовала внимания, она вопила – «Дай мне что-нибудь! Найди меня» и еще что-то, что я не хотел слышать, но не слушать не мог.

Пока я сидел на тихом соленом берегу, затягивался и выпускал дым через ноздри, она подкидывала странные мысли. И они носились по голове, мешая наслаждаться отдыхом. То спросит, кто такие близкие люди и есть ли они у меня, то кинет чувство абсолютной бесполезности моей работы.

Я выдержал неделю атаки. Поразмыслив, где же мне взять ответы на эти идиотские вопросы, я натянул шорты, повесил футболку на плечо, и отправился исследовать территорию. Оказывается, только моя часть острова была огороженным большим забором одиноким раем.

Полчаса вглубь, и вот – цивилизация: магазины, рестораны, массажные салоны, рынки, проститутки, наркотики, алкомаркет. Цветы соблазна. Но нет, я пришел не за этим.

Кто-то взял меня за руку, я посмотрел вниз и увидел мальчишку лет десяти: «Не хотите погадать, мистер?»

«Хочу!»

Он повел меня к деревьям. Под фикусом сидела старуха. Она что-то говорила на местном языке, изо рта торчали только два зуба. «Дай ей руку». Я протянул ладонь. Она заводила по ней сухим пальцем, и только сейчас я заметил, что старуха слепая. Она говорила и смеялась; я посмотрел на мальчика: «Слава тебя окружает. Год-два назад большое горе. Через год, может, меньше, еще будет. Получишь, к чему так стремишься. Будешь счастлив и несчастлив одновременно. Долго жить будешь. Береги любовь, не напирай. И не унывай». Она замолчала, замолчал мальчик. Я вынул из кармана пачку местных денег. Он взял четыре купюры и поклонился мне. Я пошел к магазинам, а паренек догнал меня и передал: «Она сказала – не бери ножницы».

Не бери ножницы – что за бред. О! Вот мини-маркет. Два блока местных самых дорогих сигарет. Полки с газетами и книгами: брошюры о местных красотах, детективы, романы в мягкой обложке, бестселлеры; они уже успели сострять из «Сапфира» роман, который оккупировал верхний ярус крутящегося треугольного стенда. Ну конечно, мальчик узнал меня. Мне стало как-то неприятно, захотелось отмыться, больше никогда не допускать, чтобы кто-то незнакомый знал обо мне что-то личное. Старуха навела меня на мысль, я сам все узнаю.

У выхода коробка с секунд хэндом. Я откапываю брошюру Луизы Хей за доллар, «Звезды и числа судьбы» за три, а также бесплатный рваный «Дар орла» Кастанеды.

Астрология предлагает принять судьбу, тесно зажатую среди звезд и планет, выстроенных в час моего рождения; нумерология – определенную вибрациями чисел. Я честно составляю натальную карту и рассчитываю то, что повестует мне обо мне.

Луиза Хей советует простить всех, кто причинил боль. Маму, которая делала из меня неудавшуюся себя. Папу, который никогда не вмешивался. Марка, который со мной из чувства долга перед Амандой, продает меня, словно шлюху, и думает, что я получаю удовольствие. Зевак, которых интересует лишь размер моего гонорара и члена. Я вас прощаю. Покойтесь с миром.

«Дар орла» осваиваю ровно до того места, где эго начинает трещать по швам, и чтобы не сойти с ума, оставляю его в покое. Хотя и пытаюсь выторговать жизнь, вспоминая прошлое.

Но даже в раю наступает потоп. Жуткий ливень стеной, такой силы, что пока добежал пятнадцать метров до бунгало, промок до трусов.

Стою у окна в махровом халате, одной рукой опершись на раму, в другой – кружка с чаем. В темной сине-фиолетовой мгле стоит радуга. Последний раз я видел радугу, наверно, лет в семь.

Мы с мамой сидели на ступеньках, козырек крыльца закрывал от тяжелых теплых капель. Она протянула руку и указательным пальцем очертила полукруг, сказав: видишь радугу? Я не видел, и мама сделала пасс снова. И тогда, словно из тьмы, радуга стала проявляться, сначала расплывчатая, сотканная из тумана, – собралась, словно по волшебству.

Передо мной, соединяя берега залива, висит разноцветный мост, такой четкий, что каждая его дорожка видна и сияет по-своему. На лице расплывается улыбка, а из глаз текут слезы.

Как же хочется выплеснуть все то, что внутри, сделать хоть что-то, поменять жизнь, себя. Мне нужно выплыть отсюда, но я не вижу точку, куда надо направить силы.

На следующий день мне захотелось испытать себя: я решил узнать свои пределы. Прыгнул в воду и плыл, плыл, как братья в «Гаттаке», не оставляя сил на обратный путь. Вот только страховать меня некому.

Начинаю уставать: мышцы деревянные, ноги сводит; ложусь на спину, но не могу удержаться, ухожу под воду. Смотрю наверх: лучи солнца, голубое колеблющееся небо и сеотихое спокойствие внутри: «Вот сейчас я умру. Жаль, я так ничего и не понял».

Справа ударяет весло, проталкивая меня к поверхности, кто-то хватает меня за руку и втаскивает в лодку. Местный рыбак крутит пальцем у виска и на своем непонятном языке что-то кричит, жестами показывая акулий плавник, и тычет в воду.

Довез меня до берега, а я отдал ему все деньги, которые были в шортах на пляже.

Три дня в голове не носилось ни одной мысли. Все дни я пел, пел песни, которые слышал когда-то по радио или в наушниках парня, что сидел рядом в зале ожидания аэропорта. И вот так, бормоча себе под нос неизвестную мелодию, я наткнулся на себя. Будто кто-то взял и включил свет.

Сидя посреди белой гостиной, поднялся над своей жизнью и увидел ее целиком, охватил и понял. Себя в разных ситуациях с одинаково тупым лицом, покорный и лишенный желаний. Это я. Одинокий. Это я. Никому не нужный. Это я.

Как проснуться на отходняке, сесть в кровати: знобит, хочется спать, а заснуть не можешь; в голове крутится: насколько ты отвратителен, насколько пассивен, насколько бесполезен, насколько безнадежен. Неужели надо дойти до конца, до самой низкой точки презрения, чтобы получить шанс начать уважать себя?

Вот оно, за что я боролся. Получите-распишитесь. И что теперь с этим делать? Ведь надо же что-то делать.

Если бы я был чистым листком бумаги, если бы я мог создать себя заново, каким бы я был?

Я пошел в гардеробную, где в чемодане валялась сумка с ноутбуком. Марк постоянно подпихивал ее, чтобы в любой момент дать наставления по скайпу или прислать письмо с очередным интервью. Сел по-турецки на пол, открыл Word и застучал.

Я обнаружил горы чувств, водопады мыслей, которые разрывали изнутри, жаждали воплощения; они загнали в угол и требовали – освободи нас!

Это напоминало безудержную рвоту: просыпался среди ночи, чтобы записать обрывки фраз, что выплывали из сна. На этот случай на тумбочке всегда лежал блокнот. Я доставал мысли из головы и связывал их в предложения, вплетал в ткань текста, ткал свою историю.

Было страшно засыпать: а что, если завтра это испарится, уйдет, и опять придется вернуться туда, откуда пытался сбежать. Вернуться все равно придется, но хотелось бы сделать это обновленным. К моей радости, каждое утро было началом «дня сурка». Как только открывались глаза, так во всем теле начинался этот зуд, который не давал спокойно жить, да я и не хотел покоя; руки тряслись, пока загружался ноут. Вот он, любимый файл, заботливо пополняемый каждый день, все толще и толще; он принимает все, что я даю, ему все равно, а мне приятно. Измученный к вечеру, я успокаивался, будто кончил, и засыпал с чувством выполненного долга. Эти последние недели не имели ничего общего с тем огромным миром, который дышит за пределами комнаты. Ничего не заботило: ни сценарии и режиссеры, ни девочки-подростки, ни фаллоимитаторы, названные в мою честь.

Глава 4. Семья

Я включил телефон и минут десять ждал, пока он загрузится: СМС – 854; входящие – 203. Я выбрал одно из бесконечных «Марк» в списке и нажал трубку.

Орал он недолго, минут десять, чаще всего употребляя слова «придурок», «о**ел» и «в**бу, когда увижу». Сказал, что приедет через пять минут, и кинул трубку.

Дома странно, как будто все в другой жизни. Диски, которые я слушал перед отъездом, книги, сваленные в кучу на столе. Предусмотрительно отключенный телефон – а то бы взорвался от одних только гневных сообщений Марка. Все родное, и все чужое. Все знакомо, и все в первый раз. В дверь забарабанил Марк: «Ну, слава богу, волосы отросли!»

Премьера добавила несколько миллионов на мой счет, похудев на налоги и агентские.

Мне тридцать два, уже сейчас денег хватит на оставшееся до могилы время. Плюс процент от продаж, проката и рекламы вполне позволят продолжить свой привычный образ жизни еще лет тридцать, дольше не протяну. Все-таки Марк не зря талдычил про основы экономики.

Сначала я купил первую в своей жизни машину. Раз уж все равно научился водить для «Сапфира». Еще и курсы экстремального вождения окончил.

Вот и дом, где прошло детство. Папа на крылечке, которое сделал сам, – каждая балясина чем-то отличается от других; сидит на лавочке, уставившись в одну точку.

– Па, что такой кислый? – жму на клаксон.

– Ого, крутая тачка!

– Решил отметить. Хочешь такую же?

– Нет, куда мне ездить? – осматривает меня с головы до ног. – Загорелый. И худой! –

Пошли в дом.

– Погодь, вытащу сумки. Я в отпуск ездил.

– С этой твоей, как ее, мне Ровена показывала журнал... Элен?

– Нет, один. Мы разошлись.

– Опять? Потом поговорим. Как я рад, что ты приехал, мой мальчик! – папа взъерошивает мне волосы и притягивает к себе. Он пахнет несвежим бельем. Щетина с небольшими кустиками более длинных волос – видно, пропустил при бритье. Ему семьдесят два, старость.

– На себя-то посмотри, сам как скелет. Чем ты меня будешь кормить? Я привез красного вина.

– Сейчас посмотрим, что нам с тобой наготовили. Иди пока, руки помою.

В доме чисто. На камине фотография мамы. До сих пор не понимаю, зачем надо было делать камин, но мама настояла, ее вечный главный аргумент – красиво. Красиво, не спорю.

Поднялся на второй этаж. Заглянул в свою комнату, которую мама обклеила постерами. Алтарь Тейлора Джонса: десятки Тейлоров разного возраста смотрят на меня, очаровывают и соблазняют.

Потом зашел в их спальню: на одной стороне кровать смята, белье свежее, нетронутое – похоже, папа спит сверху под покрывалом. Спертый запах сигарет, пожелтевшие стены, кое-где прожжен ковер.

Я открыл окно, чтобы проветрить, и спустился в мастерскую – небольшую комнату-пристройку. Токарный станок в паутине. В углу валяются недоделанные болванки.

– Тейлор! – звал папа с кухни.

– Почему такой бардак в мастерской?

– Я не пускаю ее туда: один раз убралась, так я ничего найти не мог, до сих пор не знаю, где тот маленький рубанок.

– Сам уберись. И поменяй ковер в спальне – он весь прожженный. Мама бы тебя убила.

– Нет сил.

– Это потому, что надо есть, – сказал я и положил в рот здоровый кусок салата. – Очень вкусно! – прожевав, я откупорил первую бутылку, разлил вино и выпил за папу, потом за маму, а потом перестал произносить тосты. Когда первая бутылка кончилась, я набрался смелости, чтобы спросить:

– Почему ты позволял ей?

– Я не хотел детей, я хотел быть с ней. Мне было достаточно Аманды и своего ремесла. Но она согласилась пожениться, если мы заведем ребенка. Ну а когда ты появился, понравилось возиться с тобой, учить: я почувствовал, что ты мое продолжение. Потом, у тебя мой нос... Но у нас был уговор, поэтому мы проводили с тобой так мало времени.

Мы сложили посуду в посудомойку, взяли вторую бутылку и сели на крыльцо. Папа продолжил:

– В наше время еще не было УЗИ, мы ждали, кто родится. Аманда решила: если девочка, назовем Элизабет, если мальчик – Тейлор. В честь Элизабет Тейлор, конечно. Ты ведь знаешь, как она ей восхищалась. И, конечно же, ее дети обязательно будут красивыми и талантливыми, и, конечно же, актерами. Она рассказывала, что, когда приехала в роддом, между схватками ходила по коридору. Была ночь – ты же в четыре утра родился; медсестра на посту заснула. Аманда подошла и увидела открытый журнал: сверху шли имена матерей, в другом столбце – пол ребенка, а в соседнем написано «мертв» – пять мальчиков перед тобой родились мертвыми. Тут у нее начались последние схватки, медсестра проснулась и вызвала доктора. Представляешь, как она испугалась, – папа звучно вздохнул прокуренными легкими и добавил: – Ты не можешь винить нас. Ты никогда не мучился от мысли, на что себя употребить, тебя брали за руку и вели, именно в этом есть родительский долг. То, что ты не набил пару лишних шишек, – твое счастье, а не беда.

Он сидел молча, смотрел перед собой и курил.

– Тейлор, люди видят любимых в розовых очках. Но через какое-то время очки сваливаются, тогда и начинается настоящая супружеская любовь, когда человек – часть тебя, когда знаешь и любишь его со всеми недостатками. Мне ее жутко не хватает: женских бредней про то, какое платье надеть или какая прическа ей больше идет, в какой цвет покрасить гостиную... – он улыбнулся, вспоминая что-то. – Как она хмурилась, когда читала сценарии: ей было трудно разбираться в мыслях людей, которые намного умнее. Мама очень тебя любила, она жила ради

тебя, твоей жизнью, все время в разъездах на твоих съемках. А я жил для вас. Я хочу, чтобы и у тебя было так же. Тебе скоро тридцать три – ищи свою любовь.

– Ты сам женился почти в сорок.

– Я уже прожил жизнь и могу судить. Самое лучшее, что может с тобой случиться, – это найти свое дело и быть с любимым человеком. Потом, слава и деньги у тебя уже есть. Со смертью Аманды я потерял смысл, живу одними воспоминаниями. Перед смертью я хочу знать, что у тебя все хорошо.

– У меня все хорошо, – соврал я.

Он подтянул меня рукой, словно крючком, и я уперся щекой в его грудь, как когда-то в детстве. Как же спокойно.

Мы провели вместе день: обсуждали политику (вернее, он рассказывал о том, что происходит в мире), футбол, книги, поужинали вместе, посмотрели семейный фотоальбом. Папа вспоминал, каким я был в детстве, смеялся, а я радовался. Я снова был ребенком, а он – молодым и счастливым. Казалось, дверь откроется и мама скажет, что пора идти спать, или надеть носки, или выключить эту гадость, а потом сядет к папе и будет держать для него пепельницу или протянет ему палец со смазанным лаком, а он сотрет его, словно рыцарь берет ладонь прекрасной дамы, чтобы поцеловать.

Утро началось со звонка. Папина домработница визжала в трубку: «Мистер Джонс, ваш папа, ваш папа...» – я почти не понимал из-за акцента. Как всегда в десять утра, она пришла убираться и готовить и нашла его в кресле с простреленной головой. На столе лежала записка:

«Спасибо, сынок.

Люблю, целую.

Папа».

Марк все организовал. Нанял каких-то телохранителей, чтобы нести гроб.

И вот место, куда я не ходил последние три года, очерчено глянцевым темно-бордовым гробом с золотыми заклепками.

Обычно, когда лицо обезображено, крышку не открывают, но я не могу не попрощаться. Марк накрывает папино лицо платком и сжимает мне плечо в знак того, что можно смотреть.

Я долго не давал им хоронить. Наконец Марк отволоч меня в машину, пообещав, что мы обязательно приедем завтра и тогда, когда я захочу.

На следующий день желтая пресса пестрела обложками с моим рыдающим лицом. И это единственная статья, которую мне никогда не пришлет Марк.

Я переехал обратно домой. Марк не хотел отпускать, но был слишком занят, чтобы протестовать, – Олди только что сделал его директором, ему было не до меня. Мы договорились, что он приедет на день рождения.

Я вызвал старьевщиков, которые вывезли три машины.

Месяц ходил по пустому дому и все никак не мог собраться, чтобы начать что-то делать. Садился на пол в гостиной, подключал к телефону колонки и слушал, как музыка заполняет пространство, заглушал весь остальной мир старым фотоальбомом и очередной бутылкой.

Тридцать три. Сегодня мне тридцать три. Я валяюсь на матрасе в спальне, которая раньше была родительской.

В детстве мы собирались втроем в столовой, покупали торт, родители открывали шампанское, мне – лимонад; мама готовила что-нибудь вкусное. И мы праздновали.

Друзей у меня никогда не было. Так, иногда общался с кем-то на площадке или в школе – обсуждали супергероев, играли в машинки или Лего; за несколько месяцев на съемках я ни

к кому не привязывался, тем более мама всегда была рядом, мы могли болтать и готовиться вместе. Да мы все могли делать вдвоем!

Мне тридцать три, и за все эти годы у меня не появилось ни одного друга, ни одной девушки, которые бы сказали искренне со слезами на глазах: «Как здорово, что ты есть!». Короче, в день рождения телефон не обрывался.

Больше года назад был на той вечеринке, когда Марк меня отправил погулять, пока у них был серьезный разговор. Последняя вечеринка, на которой я, оказывается, был. Папы не стало, в моей копилке близких людей остался один Марк. Легко на помине – звонит поздравлять.

Марку не удалось меня ни на что уговорить. Его программа начиналась с поездки в Диснейленд, потом действие перемещалось в Вегас, а заканчивался весь этот беспредел в полицейском участке. Он также заманивал меня каким-то чудесным подарком, о котором я всю жизнь мечтал. Но все-таки мне удалось от него отделаться, просто сегодня он не стал настаивать.

Я пододвинул фотографии родителей: мамину, ту самую, что стояла на камине, и папину, где он в фартуке на работе. «Надеюсь, вам хорошо в аду вместе? За вас!» – я поднял первый стакан.

«Как же вас не хватает», – виски левой прошел по пищеводу и ударил в желудок. Ленивые мысли начали убыстрять свой ход – алкоголь разгонял кровь и питал мозг.

Теперь и мне остались воспоминания, как говорил папа в нашу последнюю встречу. Он же пытался меня наставить, а я не понял.

Мой день рождения превратился в поминки тех, кому я был им обязан.

Напиться иногда очень полезно, когда просыпаешься, а еще пьян, и наряду с этим полупьяным состоянием на редкость чистое сознание. Как будто кто-то сделал мир потише: ты видишь все, что происходит, так, как происходит, без оценок и стереотипов. Ты пьян, но никогда еще не был настолько трезв. А потом наступает похмелье. Тело пытается очиститься от того, чем забил его накануне, – ну и воняешь же ты, даже душ не помогает. И вместе с ядом тело покидают иллюзии, оно плачет иллюзиями через поры.

Я оглянулся и посмотрел на себя через эти годы. Вот мне семь, и я вижу улыбку мамы за плечом оператора, снимающего рекламу. Вот мне семнадцать, и я сижу на церемонии Оскара во фраке, который мне велик; лоб покрыт испариной. Вот мне двадцать семь, и я пялю в трейлере свою партнершу по фильму: мы в костюмах эпохи, смешно смотрятся римские доспехи и пачка гондонов рядом. И вот я сейчас... И я, и жизнь – мы сильно изменились.

В восемь вечера в дверь постучали. Я взглянул в окно – машина Марка на лужайке. Спустился под аккомпанемент тяжелых глухих ударов. Повернул ручку двери и тут же оказался весь в конфетти.

– С днем рожденья! – заорал он. – Захотел все-таки тебя вытащить, а ты уже нажрался.

– Я уже проспался, – трясую головой, пытаюсь стряхнуть бумажки с волос.

– От тебя до сих пор несет.

– Я прочитал где-то, когда человек пьян, он спускается на одну ступеньку развития вниз.

На этой ступеньке я перестаю думать, почему все так в моей жизни.

– Опять твои тупые книжки.

Марк прошел на кухню, нахмурился, когда увидел батарею бутылок на полу.

– У меня еще полно, но нет еды.

– Мда, спиваешься. А еду сейчас закажем, – Марк забулькал в телефоне. – Ты моя дорогая, как я рад тебя слышать, мы так проголодались, сделай нам с Тейлором Джонсом что-нибудь вкусненькое и пришли по адресу, который я сейчас скину. С меня причитается. Да, роль, я помню.

– И что это сейчас было?

– Одна очень милая блондиночка, работает хостес в «Зеленом змее», у них тут филиал неподалеку, – параллельно он писал СМС. – Отправить. Тебе не надо? Могу познакомить, она

очень хочет пробиться, не откажет (запишало ответное СМС). Будут через тридцать минут. Давай уберем Аманду и Уолтера со стола и включим музыку, а то как в склепе. Что пьем? Виски? Ни в коем случае. Сбегаю за тортом, у меня есть клубника и шампанское.

– Собирался на свидание?

– Конечно, к тебе.

– А где цветы?

– А так не дашь?

– Сейчас кину в тебя, – я оглянулся, чтобы найти, чем бы в него зашвырнуть.

– Меня уже нет, – закричал он из холла и хлопнул дверью. – Ну, давай фужеры, еще холодненькое, – пробка вылетела с хлопком, бокалы наполнились. – Ладно, за тебя дорогой! Здоровья, счастья и успехов в личной жизни!

– Сто лет не пил шампанское, сразу какое-то праздничное настроение появляется. Ну и где лучший подарок в мире, от которого я не смогу отказаться?

– Хотел заказать тебе самую дорогую проститутку.

– Это было бы весьма кстати – я уже не помню, когда последний раз трахался. И где она, в машине?

– Потом я подумал, что ты можешь получить любую бабу, которую захочешь, причем бесплатно. Плюс. Ты отказался меня видеть. Поэтому я заказал себе подешевле и замечательно провел время.

– Козел.

– А ты не завидуй, – сказал Марк и пошел осматривать дом. – У тебя настоящий притон, – кричал он сверху. – В понедельник пришло тебе Мариссу, а во вторник дизайнера с прорабом. И в благодарность ты можешь выделить для меня комнату.

– Договорились – детская спальня в твоём распоряжении, даже постеры верну.

– Да, помню-помню. Никогда этого не понимал.

Мы закусили клубникой, торт он не дал, ударил по руке, как только я попытался открыть крышку. «Чтобы не портить аппетит». Когда шампанское кончилось, приехала еда. После ужина и допитого початого еще днем виски Марк отправил меня в душ, и было все, как он обещал: бары, стриптиз, умелые проститутки и задушевные разговоры.

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь, но больше всего испугал чей-то громкий храп рядом. Развернувшись на другой бок, я треснул, что есть мочи по его источнику, звуки мгновенно прекратились. Я дополз до туалета, вернулся и вырубился.

Голова кружилась, жутко хотелось пить. Пошатываясь, я спустился вниз и стал всматриваться в залитую ярким светом гостиную. Марк одной рукой водил пылесосом, второй держал потную банку пива и, как всегда, был бодр и энергичен.

– Доброе утро, миленький! – Губы растянулись в широченной улыбке. – Головка бо-бо?

– Угу.

– На, полечись, – и, кинув в меня банкой пива, угодил в голое плечо. Я взвыл. – Пойдем поедем, нам уже привезли суп, и еще кое-что я заказал тебе на день.

– Какой ты заботливый.

– И не говори – сам бы за себя замуж вышел.

– Хочешь жениться?

– А почему нет – все остальное у меня уже есть. Куплю дом, сделаю ремонт только в спальне и на кухне и буду ждать, когда появится хозяйка.

– А куда ты денешь эту кучу бумаг, которая валяется у тебя повсюду?

– Сожгу.

– Уже все распланировал. И какой она будет?

– Как партнер, а не как беспомощная кукла. Умная, деловая, красивая. Иногда буду приходить к тебе, и мы будем бухать, как вчера. Может, и тебя женим. Ты подумай – я все еще могу договориться насчет «Холостяка».

– Прям идиллия. Только я не этого хочу, – (лучшего момента не придумаешь). – Сделай мне подарок на день рождения. Только не ржи, – ложка Марка застыла на полпути, – я хочу издать книгу.

– Какую? Хорошо, что не ел! «Как я блевал после премьеры того-то». Или «Как я имел ту-то». – Марк закрыл губы ладонью, а в прищуренных глазах плясали чертенята. – Хорошо, – тяжелая волосатая лапа легла мне на плечо, – сейчас доем и позвоню одному парню.

Глава 5. Перемены

Сейчас одиннадцать утра, не помню, когда в последний раз выходил так рано. Мы с Марком сидим в кафе на набережной. Здесь все белое, как в моем бунгало в одиноком раю: белый фасад и внутренние стены, белые столы и стулья, белая посуда на белых скатертях. Мы сидим на белой веранде, пьем кофе из белых чашечек и смотрим в пестрый сад, где нет ни одного белого цветка.

Напротив нас сидит парень лет тридцати. Черная в дырку футболка с надписью «Metallica», черные в разрезах по всей длине джинсы, простые шлепанцы; разноцветные рукава татуировок, бритая голова с широким коротким ирокезом, как у Мистера Ти; в ухе обычная булавка. Просто хочу его запомнить.

Шон, редактор, но на данный момент в издательстве не работает. Схема следующая: он редактирует мое творение и от себя отдает в издательство. И план, и Шон мне не нравятся, но Марк настаивает, а я ему редко перечу – ему видней. И еще мне очень не нравится, что этот парень будет копаться в моих мыслях, может, будет смеяться надо мной. Ведь там нельзя снять свою личность и играть. Там я голый! Я! Но ведь Марку видней.

«Тейлор, надеюсь, ты понимаешь, что мы не можем оставить текст в таком виде. Он требует доработки, – я киваю и сглатываю. – Когда он будет доведен до ума, я пришлю его Марку, вы посмотрите и, если тебя все устроит, я отдаю на верстку».

Снова киваю и снова сглатываю. Деньги они обсуждают, пока я хожу в туалет. Шон уходит, пересаживаюсь на его место:

– Я точно могу ему довериться?

– Он специалист по английской литературе XVIII века, филолог, по стихам Блейка диплом писал.

– Где ты вообще откопал это сокровище?

– В университете, жили через комнату, часто тусили вместе. Он играет на басу в какой-то группе, а еще работает редактором в музыкальном журнале.

– Ты читал?

– Что? А, тебя. Да. Странно, очень странно. Неожиданно, я бы сказал. Вроде знаю тебя, знал Аманду. Я и не думал, что ты такой философ, не представлял, что ты такой чувствительный, е* твою мать.

Пока шел ремонт, я жил в гараже – единственном месте, на которое у папы хватало сил. Выгнал машину на лужайку, притащил матрас и мамин чемодан, с которым она ездила в клинику. Случайно обнаружил на верхней полке гардеробной. Надеялся найти шампунь, а то свой разлил.

Передо мной лежит небольшой пластиковый чемодан цвета фуксии, сам я сижу на коленях и набираю дату своего рождения. Замки щелкают, и, как из волшебного сундука, на меня веет сладкими духами. Смена белья, розовый спортивный костюм, халат цвета пыльной

розы, серые шлепанцы, песочные мокасины, косметичка, благоухающий шиньон. Я выкладываю вещи на матрас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.